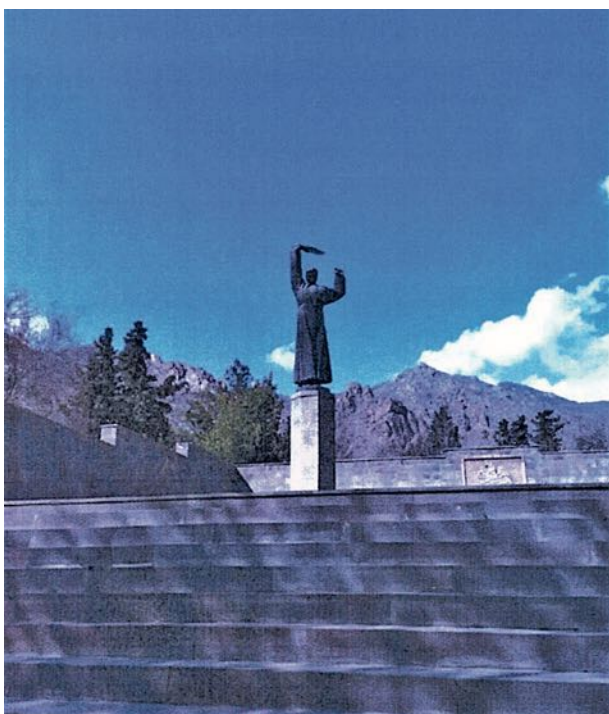

Олег КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук, профессор
(Москва)

АРМЯНСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО И ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ НАЦИЗМА В АРМЕНИИ

(по материалам научных статей кандидата исторических наук, доцента кафедры культурологии Ереванского государственного университета Ю.Ю.Антонян)

Памятник Нжде в Горисе

Современная общественно-политическая жизнь Армении представляет собой конгломерат партий, их союзов и групп последователей различных политических и религиозных учений, для которых одновременно общей и отличительной чертой является национализм самых разных оттенков. Многие исследователи объясняют этот феномен **господством в обществе клерикальной идеологии армяно-григорианской церкви, которая на протяжении столетий заменяла армянам в**

Османской и Российской империях их национальную государственность. Появление после распада СССР новых религиозных вероучений и их последователей – речь в данном случае идет об **армянском неоязычестве** – только усугубило эту ситуацию, привнеся в национальное самосознание армянского народа помимо традиционных для него идей национально-религиозной обособленности и исключительности еще и агрессивные идеи нацизма, неразрывно связанные с учением **цехакрона** Гарегина Нжде.

Армянское неоязычество, возводящее в ранг религии учение цехакрона и включающее культ личности его создателя, не могло не стать предметом системного и глубокого научного изучения со стороны академического сообщества этой страны. Пионером исследований по данной тематике стала доцент кафедры этнографии Ереванского государственного университета, кандидат исторических наук Юлия Юрьевна Антонян, работы которой, принеся автору европейскую известность и признание, дают широкую картину практики обожествления нацизма в постсоветской Армении. Мы выбрали для иллюстрации три наиболее известные русскоязычные научные статьи автора, опубликованные в Российской Федерации, чтобы на примере из содержания показать, как **на протяжении последних десятилетий происходит нацификация массового сознания жителей этой страны**, какие архетипы и стереотипы коллективного бессознательного в этом деле задействованы, какие последствия этот процесс имеет.

Памятник Нжде в Горисе

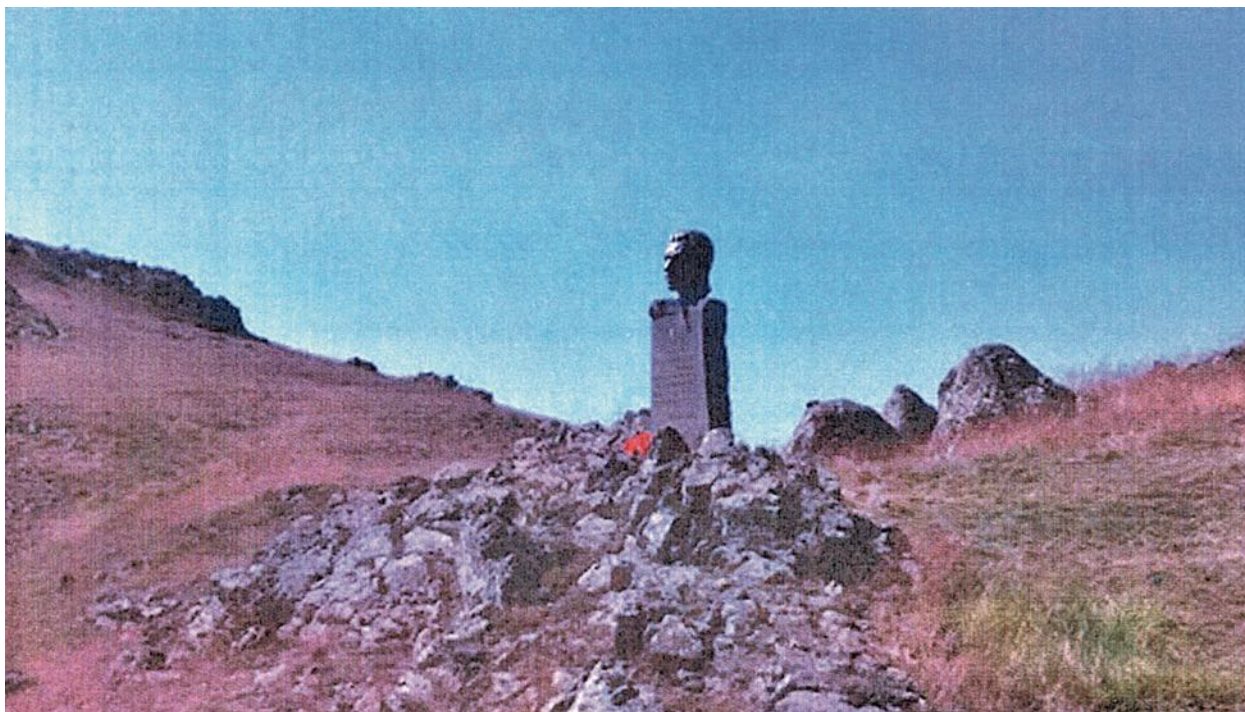

В настоящей статье мы принципиально отказались от публикации собственных оценок и мнений, предоставив читателю самостоятельно оценивать рассуждения Ю.Ю.Антонян.

Юлия Антонян, что следует отметить особо, не испытывает иллюзий по поводу социально-экономической ситуации в своей стране, описывая ее с расчетом на иностранную аудиторию свободно и открыто, как и подобает честному и самодостаточному ученому. Тем более что эта ситуация напрямую влияет на объект исследования. В статье **«Воссоздание» религии: неоязычество в Армении**», опубликованной в 2010 году (это статья была первой в серии ее публикаций на эту тему), отмечается: «Начало карабахского движения, война и обретение Арменией государственности отразились в массовом «воцерковлении» армян-апостолов (то есть приверженцев Армянской апостольской церкви), которые таким образом утверждали свою национально-религиозную идентичность. К этому же времени относится и начало языческого движения. Разочарование в новой постсоветской реальности, социально-экономический коллапс независимой Армении в 1990-е годы, в период карабахской войны и блокады, а также массовое обни-

щание и вызванные им биографические сломы привели к неимоверно быстрому распространению западных протестантских церквей и религиозных организаций, обещающих облегчение социального напряжения, духовное освобождение от невзгод этого мира и спасение при наступлении конца света (которое многим напоминала реальная ситуация в Армении). Армянское неоязычество объединяет большинство выделенных мотивов: поиск идентичности и обновленной духовности, а также мечту о спасении и новом рождении (не эсхатологических, а реальных), но не индивидуальном или общинном (как в религиях протестантского толка), а национальном. В этом смысле у него есть все, чтобы составить серьезную конкуренцию остальным религиям» (2, с. 103). Иными словами, слом социально-политической системы СССР и его последствия, в результате чего оказалась высвобождена энергия народных масс, требующая реализации в какой-либо форме, привели к тому, что **у каждого индивидуума и у социума в целом возникла потребность в новом самоопределении и самовыражении, которые зачастую принимали самые экзотические формы, включая неоязычество.** По сути, при определении

Бюст Нжде на горе Хуступ в Армении. На нижнем снимке заметны следы пуль - кому-то из армян не понравилось возвеличивание пособника фашистов

причин этого нового для Армении явления автор рассуждает по классической формуле марксизма, что «бытие определяет сознание», и это обстоятельство позволяет нам относиться к ее словам и выводам с высокой степенью доверия.

Возникновение армянского неоязычества датируется 1991 годом и связано с именем **Слака Какосяна**. Как пишет Ю.Ю.Антонян, «Слак, а некогда Эдик, Какосян принадлежал к поколению армянских диссидентов 1970-х годов. В 1979 году за пропаганду националистических идей он был выслан в США (при этом не будучи лишенным советского гражданства). Видимо, именно там произошло его знакомство с идеями и последователями **Гарегина Нжде, оставившего глубокий след в армянской истории первой половины XX века, в том числе и в качестве основателя и идеолога движения «Цехакрон»,** которое до сих пор является одной из движущих сил армянского национализма. «Цехакрон» переводится как «религия нации» — религия, рассматривающая нацию как объект почитания. Однако, несмотря на название, **учение это религией в прямом смысле этого слова не являлось, что подчеркивал сам Нжде. Фактически оно представляет собой идеологию национализма в чистом виде,** в качестве метафоры заимствовавшую религиозную тер-

минологию: не только само слово «религия», но и выражения «почитать», «обожествовать» и «символ веры», употребляемые опять же метафорически. Метафора — характерная черта произведений Нжде, равно как и использование в качестве символов исторических личностей и персонажей религиозных мифов. Так, армянская нация («цех») сравнивается с Атласом, держащим на плечах небо армянства, Гайк, мифический прародитель армян, и Ваагн, божество войны, также периодически фигурируют у Нжде в качестве символов... «Я клянусь десницей Ваагна никогда не отступить от данного мной обета жить, действовать и умереть как последователь «цехакрона», — пишет он в «Символе веры Цехакрона» (2, с. 105).

Памятник Нжде в Ходжавенде в Карабахе - был установлен сепаратистами в январе и демонтирован по требованию российских миротворцев в феврале 2021 года

По возвращении в Армению в начале 1990-х годов Слак Какосян собирает вокруг себя единомышленников (большой частью родных и друзей) и начинает создавать неоязыческую общину, зарегистрировав ее как религиозное направление. В середине 1990-х годов он становится популярен на телевидении: его периодически приглашают в качестве участника на разные передачи, у него берут интервью на предмет его учения, а празднества в Гарни собирают множество журналистов (особенно Праздник Рождения Ваагна или Нового года, справляемый 22 марта). Этот интерес сохранился до сих пор. Важно отметить, что **у истоков правившей до мая 2018 года Республиканской партии Армении стоял последователь неоязычества Ашот Навасардян, а среди ее членов также было определенное число неоязычников, или сочувствующих им, включая ныне покойного премьер-министра Андраника Маргаряна**, и пока последний оставался на этом посту, им была обеспечена государственная поддержка, вплоть до финансовой. В частности, он

профинансировал издание главной книги неоязычников «**Ухтагирк**» («Книга обетов»), составителем которой был Какосян.

Идеология армянского неоязычества тесно связана с арийским мифом и, как считает, Ю.Ю.Антонян, в настоящее время переживает четвертый этап своего развития. Первый этап – романтический – относится к концу XIX — началу XX века и ознаменован появлением идеи арийства, арийских образов и символов среди представителей армянской интеллигенции, находившихся, вероятно, под влиянием немецких лингвистов и фольклористов. **Второй период, политический, связан с нацистской Германией, когда появился ряд публикаций армянских и симпатизирующих им немецких авторов, доказывающих арийское происхождение армян.** Третий, условно научно-познавательный период относится к середине 1980-х годов, когда был опубликован известный труд Тамаза Гамкрелидзе и Вячеслава Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы», в котором прозвучала гипотеза о том, что прародиной

Золотая монета в честь Нжде, выпущенная в Армении

индоевропейцев могло быть Армянское нагорье. И, наконец, начало последнего периода можно датировать ранними 1990-ми годами, когда с легкой руки армянских неоязычников новая арийская идентичность стала частью конструируемой религии, а арийский миф зафиксирован в статусе такового в «Ухтагирке».

Современная арийская идентичность армянских неоязычников представляет собой интересный феномен. Она в целом **противостоит христианской идентичности армян, опровергая ряд ценностей, считающихся сугубо христианскими** (покорность судьбе, жертвенность, отказ отвечать ударом на удар, всепрощение и любовь к врагу), предлагая взамен мужество, воинственность, умение защищаться и отвечать ударом на удар, то есть качества, якобы присущие именно арийцам. В контексте понимания христианства как чужой, привнесенной извне и насильно насажденной веры, укорененной в иудаизме, развивается и антисемитизм неоязычников. В то же время **арийская идентичность в армянском звучании ставит кровное родство и нацию выше общности религиозных убеждений** и взглядов: для армяно-арийского самосознания равно ценны армяне-григориане, армяне-католики, армяне-протестанты, армяне-мусульмане, армяне-язычники и даже армяне-атеисты. Таким образом, армяне рассматриваются в их «первоначальном» состоянии, до конфессионального деления. А первоначальным

состоянием, по версии неоязычников, было как раз язычество, то есть культы дохристианских божеств.

Языческо-арийское самосознание созвучно современной политической ситуации в Армении. В эпоху СССР «визитной карточкой» армян, предметом их национальной гордости были известные культурные достижения христианской Армении — письменность, христианская архитектура, средневековая духовная поэзия и музыка, книжная миниатюра, средневековая историография и философия, которые как бы компенсировали отсутствие государственной самостоятельности. Для нынешней Армении более актуальны государственность дохристианской Армении, и прежде всего ее **имперские устремления и территориальные приобретения в эпоху Тиграна Великого (I в. до н.э.), который якобы почти в три раза расширил свои владения, образовав так называемую «Великую Армению»**. Таким образом, неоязычники ощущают себя прямыми наследниками государства Арташесидов, «не замечая» 1700-летний отрезок армянской истории (2, с. 112-115).

Практике обожествления Гарегина Нжде и его теории цехакрона в современной Армении Ю.Ю.Антонян посвятила отдельную статью **«Возвращение героя: новые культы «древней» религии»**, опубликованную в 2014 году в научном альманахе Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (это - переработанный вариант опубликованной в 2007 году в Ереване на армянском языке статьи **«Как Герой становится Богом: Гарегин Нжде и армянские неоязычники»**). Предвосхищая изложение и цитирование отдельных моментов данной публикации, мы должны сказать, что автор, сама того не понимая, стала жертвой описываемого ею с такой любовью процесса мифологизации личности Нжде, особенно в отношении биографии последнего, когда она как некую априорную данность пересказывает заведомо выдуманные факты (особенно это касается событий первых лет участия в армянском националистическом движении). Поэтому этот фрагмент статьи мы опустим, чтобы не воспроизводить еще раз исторические фальсификации. Хотя данное обстоятельство никак не умаляет ценности публикации Ю.Ю.Антонян с точки зрения этнографии и религиоведения, в контексте которых мы и предоставим слово автору.

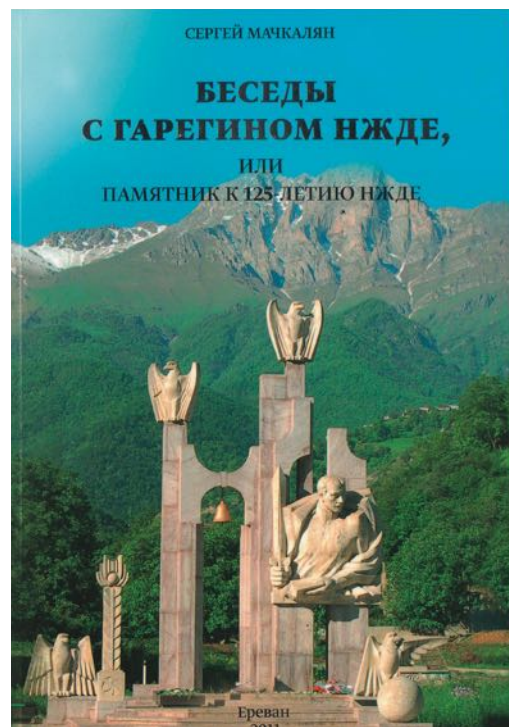
«Одна из националистических газет, издаваемых в близких к неоязычеству кругах, использовала

Нжде героизируют в своих работах и армянские художники

в качестве эпитафии фразу: «Так говорил Нжде», в которой явно просматриваются аллюзии на знаменитого ницшеанского Заратустру. И это не только метафора, указывающая на начитанность издателя. Это прямой намек на божественную сущность Гарегина Нжде, о которой мы можем узнать непосредственно из «Книги обетов». Пятая глава этой книги называется **«Книга Величия»** и фактически представляет собой житие Гарегина Нжде, отражающее процесс его обожествления, в качестве синонима которого используется неологизм «нждеизация». Этот процесс представлен в мифологической интерпретации, хотя в целом он воспроизводит основные этапы биографии Гарегина Нжде...

Как же интерпретирует биографию этого человека неоязыческое священное писание? Согласно «Ухтагирку», история – это не что иное, как космическое время, включающее четыре периода: космические весну, лето, осень и зиму. Космическая весна – время рождения одного из важнейших (нео)языческих божеств, Ваагна. За нею следуют космические лето и осень, после чего миром

В популяризации Нжде активно участвуют писатели, поэты, публицисты

овладевает Вишав (Дракон) и наступает космическая зима. И вот **на пороге новой космической весны появляется человеко-бог, который должен возвестить новое рождение Ваагна. И имя ему Гарегин, что, согласно «Ухтагирку» означает «вестник весны».** «Верить Гарегину и ждать Ваагна» – это девиз «Книги Величия», проходящий красной нитью сквозь всё её содержание. «Тот, кто поверит в Гарегина, спасается, а те, кто не поверит и не будет ждать, – останутся немощными и не переживут потопа». Даже при поверхностном взгляде напрашивается аналогия со Вторым Пришествием Христа, когда верующие в него и Бога-отца спасутся, а остальные погибнут...

Мифическая «биография» Героя должна следовать определенной логике. Каждый этап его жизни, каждая его трансформация должны быть отмечены рядом типичных черт, которые и делают героя Героем. Детство героя, согласно этой модели, должно пройти в безвестности, в изоляции (в стае животных, под землей, в келье и т. д.), где он должен проявить недюжинные способности и иметь общение с божеством. Ребенком Гарегин был послан в монастырь для учебы и воспитания. Однако, не выдержав холодных стен христианского монастыря, он убегает и странствует по солнечным горам и долинам. Как-то раз уставший Гарегин погрузился в сон и во сне увидел своего покойного деда, который открыл ему всю правду о предках, нации и богах. После этого дед велел ему «нждеизироваться» (неологизм неоязычников, смысл которого состоит в процессе приобретения всех качеств героя – божества-спасителя, каким стал Гарегин Нжде, согласно мифу). **Партийный псевдоним «Нжде» трактуется как «странник», и этому значению полностью соответствует первый этап процесса «нждеизации», во время которого Гарегин покидает родину, проводит годы в странствиях, пока, наконец, в один прекрасный день он не просит у неба вернуть его домой, к его «корням и крови».** И с неба доносится голос, который объявляет ему, что его «поведет светильник Ваагна». «И Гарегин Нжде в ночном небе увидел светильник Ваагна и пошел за ним. Светильник привел его в страну Араратскую. Нжде отправляется к храму Гарни, где ему является Ваагн, после чего его начинают звать «Ваагновидцем»... Затем Ваагн передает Гарегину Нжде идеи, ставшие впоследствии столпами его учения «Цехакрон» и соответствующей идеологии. Благословенный

Ваагном Нжде выходит на борьбу со Смертью. В «Книге Величия» представлена, как уже говорилось ранее, **сильно мифологизированная, почти сказочная версия боевой биографии Нжде, не лишённая некоторой документальности. Так, он метафорически борется со Смертью на Балканах, затем с Драконом на Кавказе.** Эти этапы соответствуют воинской ипостаси Героя. Затем он должен проявить себя как любовник. И вот мы читаем, как в одном из эпизодов, когда Нжде тоскует по любви, богиня любви Астхик посылает его к смертельно больной девушке. Нжде излечивает девушку (как и полагается божеству) и в ее глазах ему предстает видение священной свадьбы, где он предстает в облике Ваагна, а девушка в облике богини Астхик.

Затем Нжде выходит на борьбу с чариями, которых вдохновляет дракон. **«Чарии» (то есть «не-арии»), согласно неоязыческой мифологии, – злобные существа, по сути противопоставленные благородным «ариям», ассоциируются с семитами и тюрками.** Борьба Нжде с чариями – это фактически воспроизведение мифической битвы Ваагна с Вишапом, после которой Гарегин Нжде получает имя «Спасителя ариев» (следующая ипостась в универсальной модели). Однако в дальнейшем армяне отрекаются от Нжде (намек на советское время, когда Нжде числился в списках «врагов»). Это приводит к войне ариев против ариев (намек на Вторую мировую войну) и в судьбоносный момент Ваагн требует от Нжде принести себя в жертву во имя «корней нации». Так Нжде сдается русским, которые увозят его в Москву, где он, закованный в цепи, предстаёт перед москвичами. «Спаситель ариев» превращается в святого мученика, снова в точности соответствия модели мифа. Теперь ему остаётся только уйти в мир иной. Нжде погибает вдали от Арарата, в русской тюрьме, и перед смертью ему является богиня-мать Анаит, которая сообщает ему, что он должен искупить грехи народа, чтобы она могла по-матерински простить все нанесенные ей раны» (1, с. 127-129).

Как видим, в современном армянском неоязычестве обожествление Нжде происходит на самом высоком уровне – он трактуется как аналог Христа в противовес христианской религиозной традиции, или пророка Исы – в противовес мусульманской. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что **Нжде позиционируется не как потомок**

языческого Бога-творца или Ара, а как посланник божества войны Ваагна, тем самым он не включается в пантеон божеств, а оказывается среди легендарных героев (типа Геракла в античной или Ромула и Рэма в эллинистической традиции) или «просветленных», если следовать буддийской традиции. То есть он не бог, но источник и объект этнорелигиозного эпоса, что дает ему возможность быть источником свода правил и норм поведения или даже мировоззрения. Вот как Ю.Ю.Антонян пишет об этом:

«Возвращаясь к «Ухтагирку», обратимся к части, следующей за «Книгой величия». Эта часть называется «Книга Заветов» (Патгамаран) и представляет собой **мифологизированное переложение сочинения Гарегина Нжде об идеологии «Цехакрон»**. Поскольку Ваагн признал Нжде своим посланником, следовательно, логично предположить, что созданная им идеология есть не что иное, как заветы самого бога Ваагна. Следовательно, включение постулатов Нжде в «Ухтагирк» вместе с его житием становится еще одной параллелью Евангелия. «Книга Заветов» основана на нескольких важных положениях Нжде, большинство из которых частично дословно цитируется из его книги, а частично домысливается и интерпретируется...

Нжде остается культовой фигурой армянского неоязычества не только на уровне неомифологических текстов и устных легенд. **Вокруг него складывается группа практик, связанных с местами его памяти**. Это, в частности, места его ритуальных захоронений: его прах частично захоронен в монастыре Спитакавор области Вайоцдзор, частично в г. Капане области Сюник, где сейчас выстроен мемориал в его честь, а кроме того, частица мощей покоится на горе Хуступ, где-то на полпути к вершине. С 2008 года каждое лето, примерно в середине июля – начале августа, неоязычниками организуется паломничество на гору Хуступ. В нем участвуют исключительно мужчины (из-за тяжести путешествия, но и принимается во внимание ритуальный аспект)... Смысл паломничества в том, чтобы не только посетить могилу Нжде, но и подняться на вершину горы Хуступ (3206 м), провести там ночь и встретить рассвет. Каждый надеется, что его посетит видение Ваагна на этой горе, подобно тому, как оно посетило Нжде. Обряд совершается дважды, на полпути, возле гранитного камня на второй из могил Нжде, и на вершине, до которой зачастую доходят не все» (1, с. 131-132).

Куль личности Нжде и его учения достаточно прочно вошел **не только в духовную, но и в повседневную жизнь армянских неоязычников**. Доказательством этому служит сложившийся в последние три десятилетия синкретизм старых и вновь созданных традиций, одной из которых является празднование Нового года. Вот что об этом пишет Ю.Ю.Антонян, и не верить ее словам оснований нет: *«По странному совпадению, официальный день рождения Гарегина Нжде приходится на первое января. В этом усматривается определенный знак, и поэтому в процессе новогодних поздравлений, неоязычниками обязательно ритуализируется и обращение к памяти Нжде. Распространяются, например, виртуальные новогодние открытки, где с пантеоном языческих богов соседствуют новогодняя елка, Нжде и символы его учения, днем которого считается 14 января. Вообще, визуально Нжде присутствует достаточно широко, его известную фотографию в боевом облачении ставят в контекст пантеона языческих божеств на неоязыческих плакатах, календарях и т. д., она висит на видных местах в помещениях, так или иначе связанных с неоязычниками»* (1, с. 132).

Год от года публикации Юлии Антонян об армянском язычестве и о месте Нжде (вместе с его нацистской идеологией цехакрона) становились менее восторженными и более академически выдержанными и эмоционально спокойными. В 2015 году в одном из научных сборников Европейского университета в Санкт-Петербурге она опубликовала статью **«Конструирование религии в армянском неоязычестве»**, которая завершила цикл ее исследований об этом явлении. Несколько цитат из этой публикации вполне могут стать логическим финалом этой статьи, поскольку лучше и не скажешь. *«Националистический уклон большинства вариаций постсоветского неоязычества не является предметом сомнения. Однако верно и то, что мы имеем дело с очень разными по существу национализмами, а кроме того, — по крайней мере, в армянском неоязычестве — крайние националистические идеи в ходе эволюции религиозных практик и общинных форм существования отходят на второй план в качестве дискурсивного фона* (3, с. 85)», тогда как **на первый план выходят объекты новоиспеченного культа или поклонения. Для армянских неоязычников в таком качестве выступает Гарегин Нжде, и даже не он сам, а его откровенно нацистская**

идеология цехакрона, мифологизации и популяризации которой посвящена вторая часть их главной книги «Ухтагирк» или («Книга обетов»), которую сама Ю.Ю.Антонян сравнивает с Кораном или «Книгой мормона» И.Смита. Вот как автор комментирует этот момент: *«Вторая часть «Ухтагирка» посвящена мифологизации уже существующей националистической идеологии, то есть текстов Гарегина Нжде, идеолога армянского национализма и политического деятеля первой половины XX в. Его вполне секулярные тексты, в которых языческие образы использовались метафорически, прокомментированы в сугубо религиозном смысле. Более того, собственная биография Нжде также подвергается мифологической реинтерпретации и входит в «Ухтагирк» в качестве отдельного текста. Нжде здесь становится человеко-богом, а в момент своей мученической смерти в борьбе со злом (в реальности – в советской тюрьме) он по воле являющейся ему богини Анаит становится жертвой во искупление грехов арийцев. Впрочем, идея искупления изначально присутствует в автобиографии Нжде, где он парадоксальным образом недвусмысленно намекает на свое сходство не с кем-нибудь, а с Христом, когда пишет о своей отверженности и предательстве соплеменников: «Никто не откроет пред тобой дверей, даже если с крестом Назаретянина на спине и терновым Венцом на лбу будешь искать защиты» (3, с. 91).*

Таким образом, напрашивается вывод: современное армянское неоязычество есть идеологическое производное от армянского национализма, а если быть совсем уже точным, то от его ультра-радикальной формы – нацистской теории цехакрона Гарегина Нжде, автор которой становится объектом религиозного ритуала, а его учение – составной частью нового религиозного культа. Благодаря этому Нжде (не сам он, а искусственно созданный его образ, предварительно очищенный от реальных биографических подробностей и тем самым сильно мифологизированный) стал уже вполне каноническим элементом не просто политической, а именно социально-бытовой (или повседневной) культуры, оказавшись в одном ряду с древними языческими богами в качестве реинкарнации верховного армянского языческого божества Ваагна. Вот почему после смены политического режима в Армении в мае 2018 года в стране нет предпосылок для ее денацификации: **образ Нжде стал органической частью армян-**

ской национальной мифологемы (наравне с образом Ленина для современной России), **одной из доминант армянской национальной идентичности**, и поэтому любое посягательство на него будет встречено крайне неоднозначно, что в условиях нынешней турбулентности социально-политической обстановки в современной Армении грозит власти и элитам самыми непредсказуемыми последствиями. ❁

Литература

1. Антонян Ю.Ю. Возвращение героя: новые культы «древней» религии // Colloquium heptaplomeres: Научный Альманах / Нижегородский государственный педагогический университет им. Кузьмы Минина. – Вып. 1. Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст / Сост. А.А.Бесков, Р.В.Шиженский. – Нижний Новгород: НГПУ им. К.Минина, 2014, с. 126-135
2. Антонян Ю.Ю. Воссоздание» религии: неоязычество в Армении // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – 2010, № 1, с. 103-128
3. Антонян Ю.Ю. Конструирование религии в армянском неоязычестве // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. Под ред. Ж.В.Корминой, А.А.Панченко, С.А.Штыркова. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015, с. 82-103

The article discusses the topic of Armenian neo-paganism, a religious and ideological trend in modern Armenia, which elevates the doctrine of the Armenian extreme rationalism “tsehakron” to the rank of religion. It was founded by notorious Armenian nationalist and German Nazi henchman Garegin Nzhdeh. The author quotes articles of Armenian historian Yulia Antonyan. Armenian neo-pagans are guided by the thesis about the Aryan origin of the Armenian people, do not attach importance to confessional differences and deify the personality of Garegin Nzhdeh.